

И. А. БУНИН

Автору настоящей статьи хочется сразу же в начале оговориться, что интерес к творчеству Бунина проявился у него задолго до последнего присуждения Нобелевских премий. И последующее „лирическое отступление“ автор разрешает себе для пользы дела, в виду того, что оно позволяет ему найти ключ к вопросу: „в чем заключается тайна очарования Бунинского слова.“

В возрасте 10—12 лет в довоенное время наиболее охотно читались Жюль Верн, „Нат Пинкертон“, „Журнал Приключений“ и „Чудеса Электричества“. Автор не помнит, чтобы кто-нибудь из его сверстников (да и он сам) увлекались стихами, или, по крайней мере, обращали бы на них внимание. Случайно попала тогда автору „Песнь о Гайавате“. Совершенно понятно, что в столь юном возрасте простительно не запомнить имени писателя, не говоря уже о переводчике.

Но заглавие запомнилось — из всего водопада прочитанных и забытых книг. Запомнились ни сохранились картины „Песни“ в обрамлении стихов. Не сюжет, не фабула, а именно кристаллики стихов. Почему-то эти строки оказались не похожими на все остальные и пережили своим ласковым ритмом — (а может быть, благодаря этой ласковости) революцию, разруху, голод и бегство.

Именно, эти воспоминания побудили автора уже здесь, в Эстонии, при первой же представившейся возможности снова разыскать „Песнь о Гайавате“. Тогда, — и это было в 1920 году, достав томики „приложений к Ниве“, автор познакомился с переводчиком „Песни“. Впечатление — теперь уже в юношеском возрасте — от прочитанного было огромное. Открылось как бы окно в мир. Мир получил краски и глубину, — оттого, что его показала истинная Поэзия.

Можно находить детали и указывать на отдельные особенности, но более простого определения Бунинского творчества дать нельзя.

Перед тем, как перейти к дальнейшему, должен сделать оговорку: настоящая статья относится к стихам Бунина, к Бунину-поэту, по той причине, что Бунин — прежде всего поэт, а не прозаик, хотя и получил известность, главным образом, прозаическими вещами. Очень возможно, что проза вообще понятнее и эффектнее. Роман импонирует более, чем стихотворение. Но, когда дело доходит до самого интимного — до жизни личности — до глаз, раскрытых в мир, и до души, прислушивающейся к себе самой, стихи имеют несомненное преимущество краткости. Душевное откровение длится моментами, а моментов нельзя тянуть. Стих эпиграмматичен — он схватывает мгновение на бегу и дает ему четкую форму, — повторяю опять: кристалл.

Стихи Бунина в высокой степени „откристаллизованы“. Этим обусловлен в его творчестве „категорический императив“ искусства: наименьшая затрата средств при наибольшей силе впечатления.

Но живость его стихотворений, близость к природе, и к воспринимающему эту природу человеку зависит не от этого.

Стихи — благодаря своей трудности, (ибо трудно создать хорошие стихи) — располагают к риторике.

Риторика — это слова, сказанные зря, впустую, рожденные только желанием что-нибудь сказать, без того таинственного процесса накопления восприятий, и их переплавления, которые рождают настоящее слово. В настоящих стихах виден физиологический процесс их созидания. И первая бросающаяся в глаза физиологическая особенность Бунинского творчества — это его зрительность, и прежде всего зрительность цветовая:

„Каин“:

Синекудрый, весь бурый,
Из пустыни и зноя литой,
Опоясан он шкурой,
Шкурой льва, золотой и густой.

„Листопад“:

Лес, точно терем расписной, —
Лиловый, золотой, багряный . . .

Сириус:

Привет тебе, мерцающая в небе
Алмазно-синяя роса!

Поэзия стоит как-бы посреди музыки и живописи. И соответственно с этим есть фланги: звуковой и зрительный.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан . . .

Блок подчеркнул здесь слово „певучий“. Бунин подчеркивает слово „мир“.

Это сказывается в чисто-физиологическом ощущении трехмерности в пейзажах Бунина. Они не плоски, а панорамны: окно в мир, а не картинка.

Математики четвертым измерением мира считают время.

Любопытно остановиться на этой черте творчества Бунина. Поэт говорит о времени, он чувствует, как оно течет, — черта чисто физиологическая. Это ощущение времени не кабинетное, не книжное, а живое.

Как будто время здесь застыло . . .

— это для описания „края земли“, крайнего севера. Застыло даже время!

Часы узор чеканят золотой . . .
Все ритм и бег. Бесцельное стремленье!
Но страшен миг, когда стремленье нет . . .

Давно отмечены в творчестве Бунина зовы древности. Но Древность — это протекшее время. Камни дышат им.

Могила в скале.

То было в полдень, в Нубии, на Ниле.
Пробили вход, затеплили огни —
И на полу преддверия, в тени,
На голубом и тонком слое пыли,
Нашли живой и четкий след ступни.

Я, путник, видел это. Я в могиле
Дышал теплом сухих камней. Они
Сокрытое пять тысяч лет хранили.

Хранили день, — быть-может, только час,
Иль даже миг, — когда в последний раз
Вздыхнул здесь тот, кто узкою стопою
В атласный прах вдавил свой узкий след.

Тот миг воскрес! И на пять тысяч лет
Умножил жизнь, мне данную судьбою.

И время, и пространство — только обрамление Жизни. И все творчество проникает мотив ощущения жизни, радости жизни, красоты жизни.

Жизнь.

Набегают впотьмах,
И узорною пеною светится,
И лазурным сияньем реет у скал на песке . . .
О, божественный отблеск незримого — жизни, мерцающей
В мириадах незримых существ!

. . . . .

И тогда вся душа
У меня загорается радостью:
Я в пригоршни ловлю закипевшую пену волны —
И сквозь пальцы течет не вода, а сапфиры, — несметные
Искры синего пламени, Жизнь!

Смерть — лишь необходимый художнику контраст: нет ни страха, ни отчаянья.

Древность, развалины, могила в скале — и вдруг:

. . . . и на пять тысяч лет
Умножил жизнь, мне данную судьбою . . .

Большие поэты измеряются не отдельными достоинствами, или недостатками их вещей. Дело не в звучности ямба и не в силе эпитета. Надо придти навстречу читателю не с пустыми руками, а с хлебом духовным, т. е. с писательской живой душой.

Занятие аналитика и анатома не самое благодарное: приходится схематизировать, а рядом с искусством схемы неуклюжи. В разделении творчества на темы чувствуется неизбежная неуклюжесть. Но это необходимо для определения: большие поэты измеряются темами.

Темы Бунина: мир, время и жизнь естественно синтезируются в одну тему. И эта тема — Бог:

. . . а Бог был ясен, радостен и прост.
Он в ветре был, в моей душе бездомной,
И содрогался синим блеском звезд
В лазури неба чистой и огромной.

Может показаться произвольным и искусственным такое установление
тем. Но вот строки:

Время, Пространство, Число
С черных упали небес
В море, где мрак и покой.

. . . . .
Тяжким обломком, немым,
Падает Дух в пустоту,
В море, где мрак и покой . . .

Нарочно не касаюсь получившегося противоречия: „а Бог был ясен,
радостен и прост“ и „тяжким обломком, немым . . .“

Это дело читателя и поэта, а не критика.

О поэзии не надо говорить много — надо читать — и переживать.

Стихи Бунина — тонкий и безошибочный реактив на душу человека:
не понимает, не ценит, не чувствует человек их красоты — духом мертв есть.

ПЕРВАЯ ЭСТОНСКАЯ НЕДЕЛЯ КУЛЬТУРЫ

По инициативе Эстонского Союза Писателей в начале 1933 года решено было организовать „неделю культуры“ для демонстрации и пропаганды достижений эстонской духовной культуры за время самостоятельности Эстонии.

С этой целью в Таллинне был создан главный комитет с отделами по различным отраслям культуры. Председателем комитета был избран Эд. Хубель, стоящий во главе Союза Писателей. Всем местным культурным организациям в городах, местечках и волостях были разосланы воззвания и программы работ, в которых предусматривалось устройство публичных актов, литературных вечеров, рефератов, выставок книг и рукописей, книжных лотерей, художественных выставок в Таллинне, Тарту и др. местах, вечеров с выступлениями солистов и хоров, исполняющих произведения эстонских композиторов, и, наконец, постановок эстонских пьес, и докладов, посвященных вопросам эстонского искусства.

Начало „недели культуры“ было приурочено к 24 февраля 1934 г. — на день праздника эстонской независимости. Неделя культуры началась в Таллинне торжественным актом в концертном зале театра „Эстония“ в присутствии Главы Государства и высших правительственных лиц. Речи Главы Государства и председателя главного комитета были переданы по радио. Затем последовали концерты, рефераты, театральные постановки и пр. в Таллинне, Тарту и по всей стране — более 500 организаций приняло участие в неделе эстонской культуры. Из Таллинна и Тарту были посланы лекторы, преимущественно, из общественных деятелей, писательских кругов и студенчества, которые разъезжали по всей Эстонии с докладами и речами. В самом Таллинне, а также и в Тарту каждый вечер по радио передавались речи, посвященные различным вопросам культуры. По имеющимся у главного комитета сведениям, лекции, собрания и музыкальные вечера в течение всей недели прошли в городах и в деревне с успехом и при большом участии населения.

В Эстонии всегда жило стремление повысить духовный уровень всего народа, не удовлетворяясь приобщением к культуре только одной части народа, незначительного верхнего слоя его. Этому всему и должна была содействовать „неделя“ культуры своими разнообразными докладами и выступлениями.